УДК 37.07; 343.13

М.С. Петровская*

РОЛЬ ПЕДАГОГА И ПСИХОЛОГА ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ПО ДЕЛАМ С УЧАСТИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ И ПУТИ ЕЕ АКТИВИЗАЦИИ

В статье рассматривается роль педагога (а также психолога), привлеченных к участию в допросе несовершеннолетних и в других следственных действиях с целью реализации педагогических знаний для предотвращения нарушений законных интересов подростка.

Ключевые слова: педагог, психолог, следственные действия, эмпирические данные, несовершеннолетние, правозащитная функция, пассивность, методические указания.

Предпринятые отечественным законодательством меры по укреплению правовых гарантий несовершеннолетних, путем расширения роли и функций педагога и психолога в следственных действиях, предусмотренные ФЗ от 28 декабря 2013 года, заслуживают всяческой поддержки. Теперь, согласно новой редакции ч. 1 ст. 191 УПК, участие педагога в следственных действиях с участием несовершеннолетнего, не достигшего 14 лет, а в случае, когда несовершеннолетний достиг 16 лет, но страдает психическим расстройством или отстает в психическом развитии, является обязательным. В других ситуациях педагог вызывается по усмотрению следователя. Таким образом, педагог (а в суде и психолог – ст. 280 УПК) во многих случаях приглашается к участию в деле по велению закона, а не по усмотрению следователя. Цель привлечения по логике вещей – предотвращение применения приемов проведения следственных действий, противоречащих требованиям педагогики и психологии. Однако практическая реализация этих положений побуждает к размышлениям.

Главная проблема состоит в том, что сами педагоги крайне слабо понимают свою роль в этом процессе и очень часто позиционируют себя как представителей государственных органов образования, призванных помогать органам расследования. Это приводит к тому, что, судя по многим данным, их участие в процессе оказывается весьма пассивным и практически бесполезным.

Из смысла обновленного закона следует, что участие педагога (психолога) в допросе состоит в использовании специальных психологических и педагогических знаний не только для создания психологического контакта между допрашиваемым и допрашивающим, как считают многие, но, главным образом, для оказания профессиональной помощи допрашиваемым несовершеннолетним путем обеспечения надлежащей обстановки допроса и полноты фиксации его результатов, а также для информирования следователя об особенностях допрашиваемого, ориентирующих его на объективное проведение допроса.

С целью выяснения полезности и эффективности привлечения педагога и психолога к следственным действиям нами был предпринят опрос судей и следователей.

---

* © Петровская М.С., 2015

Петровская Мария Сергеевна (mahonya1982@yandex.ru), кафедра уголовного процесса и криминалистики, Самарский государственный университет, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

Полученные данные позволяют с достаточной убедительностью выявить как мнения реципиентов как о целесообразности участия педагога и психолога в проведении допроса, так и различия в определении степени их активности в данном следственном действии.

Результаты опроса 96 судей показали, что все они считают оправданным обязательное участие педагога в допросе потерпевших и свидетелей несовершеннолетних в возрасте до 14 лет, предусмотренное ст. 280 УПК РФ, причем 69 % опрошенных судей полагают, что участие педагога и психолога в допросе может способствовать обеспечению прав допрашиваемого. Однако выявилась и иная позиция: 31 % опрошенных судей не видят в участии этих лиц в допросе никакой пользы, исходя, видимо, из того, что права несовершеннолетних обвиняемых и подозреваемых в достаточной мере обеспечены участием законных представителей, защитника и деятельностью суда. Полагаем, что такая позиция обусловлена недостаточной осведомленностью части судей о содержании педагогических и психологических знаний, смысла их привлечения к участию в следственных действиях, но, возможно, и пассивностью педагогов (психологов) в процессуальной деятельности. Можно также предположить, что в такой позиции проявилась чрезмерная вера в возможность суда самостоятельно, без привлечения других участников, достичь истины. Практически такие же результаты были получены при ответах судей на вопрос о целесообразности привлечения педагога по усмотрению судей к допросу несовершеннолетних потерпевших и свидетелей в возрасте от 14 до 18 лет.

Представляет интерес вопрос о том, кого именно из двух участников приглашают для участия в допросе. Результаты анкетного опроса следователей и дознавателей (всего опрошено 111 человек) показали, что для участия в допросе несовершеннолетних свидетелей и потерпевших следователи и дознаватели приглашают чаще педагога (81 % респондентов), а психолога реже (35 % респондентов). При допросе несовершеннолетних обвиняемых и подозреваемых они чаще приглашают педагогов (78 % опрошенных) и редко психологов (32 % опрошенных). Эти данные свидетельствуют о том, что фигура психолога как эффективного участника следственных действий еще не получила признания в следственной практике.

Опрос же судей показал, что половина опрошенных считает более предпочтительным приглашать психолога к допросу несовершеннолетних, т. к. педагог может и не располагать достаточными данными о подростке. Вопреки этому другая половина опрошенных не разграничивала деятельность педагога и психолога, считая, что их роли при допросе одинаковы.

Заслуживают внимания также и другие результаты проведенного нами опроса 96 судей: 12,5 % опрошенных реципиентов видят роль педагога и психолога в оказании содействия суду в получении доказательств, фактически рассматривая педагога (психолога) в качестве специалиста, т. е. своего помощника, в чем, по-видимому, проявляется недооценка правозащитной функции этих лиц. По мнению 34 % опрошенных судей, роль педагога и психолога состоит в установлении контакта между несовершеннолетним и другими участниками процесса, в т. ч. судом, прокурором. Некоторая часть судей – 16 % – полагает, что роль психолога состоит в оценке правдивости показаний допрашиваемых, с чем нельзя согласиться, так как оценка достоверности доказательств принадлежат субъектам доказывания, в данном случае самим судьям. Но, несмотря на такой разброс мнений, свидетельствующий сам по себе о неясности представлений судей о роли указанных лиц, значительная часть опрошенных судей – 37,5 % все же считает, что роль педагога и психолога состоит в предотвращении возможных нарушений прав подростка (снижение напряженности

ситуации, давления сторон на допрашиваемого, возникающих при судебном допросе и т. п.).

Интересно сравнить мнение судей о функциях педагога и психолога с мнением лиц, производящих расследование. По мнению большинства опрошенных следователей и дознавателей (78 %), педагог и психолог, являясь специалистами, помогают следователю установить психологический контакт с допрашиваемым; почти треть следователей и дознавателей (29 %) полагала, что педагог (психолог) помогают следователю в преодолении запирательства и лжи, опять-таки рассматривая этих участников как лиц, оказывающих помощь следователю. Но все же, часть опрошенных высказалась за то, что эти лица выступают представителями педагогической и психологической профессий и призваны обеспечить надлежащую обстановку допроса, оберегать права допрашиваемого от нарушений в виде требования подтвердить версию следователя (24 %) либо предотвратить постановку наводящих вопросов (32,5 %), оградить допрашиваемого от неправомерного (угрожающего) тона допроса (35 %), проверить правильность записи показаний допрашиваемого (10 %).

Такой разброс мнений практических работников можно объяснить тем, что срабатывают устаревшие стереотипы относительно функции педагогов и психологов как специалистов, призванных оказывать помощь следователю. Причиной также является недостаточная и противоречивая процессуальная регламентация статуса педагога и психолога, вызывающая затруднения у правоприменителей при определении роли этих участников. В результате до последнего времени на втором плане оставалась правозащитная и контрольная деятельность этих участников, которой органы расследования и суд не придают надлежащего значения.

Озадачивают отрицательные ответы части следователей и дознавателей (14 %) на вопрос о праве педагога и психолога заявлять свои возражения против ненадлежащего ведения допроса, что свидетельствует о непонимании роли этих лиц и порождает мысль о том, что на практике приглашение этих лиц происходит не для выполнения ими своих правозащитных функций, а лишь для помощи следователю и суду либо для формального соблюдения процедуры допроса, установленной УПК РФ.

Можно предположить, что недооценка роли педагога (психолога) связана с недостаточной активностью самих этих участников в допросе несовершеннолетнего, констатированной третью опрошенных следователей и дознавателей (33 %). Это же подтверждается ответами следователей и дознавателей на вопрос о случаях уклонения педагога и психолога от участия в допросе и непроявления ими интереса к происходящему. Наличие подобных ситуаций констатировало 21,5 %. По мнению большинства респондентов (60 %), участие педагога и психолога в допросе несовершеннолетнего зачастую ограничивается только тем, что они задают дополнительные вопросы, не реализуя свои иные правозащитные возможности. Опрошенные судьи также отмечают отсутствие должной активности со стороны педагога: 38 % указывают на пассивность этих участников, только треть опрошенных (31 %) считала активность педагога достаточной.

При изучении роли педагога и психолога в установлении психологического контакта с лицами, ведущими расследование, выяснилось, что только 8 % опрошенных следователей и дознавателей пояснили, что педагог (психолог) всегда помогал установить такой контакт; в то время, как большинство респондентов – 59,5 % – отмечали, что такое имело место изредка. Но 32,5 % следственных работников заявили, что педагог (психолог) ни разу в их практике не обеспечивал создания психологического контакта с несовершеннолетними при их допросе. Из этих ответов следует, что педагог или психолог отнюдь не всегда рассматривали целью своей деятельности помощь следователю.

Для исследования этого аспекта деятельности педагога и психолога немаловажный интерес представляет оценка ее самими несовершеннолетними на основе личного опыта взаимодействия с этими участниками процесса. Опрос по специальной программе 88 несовершеннолетних, осужденных за разные преступления и содержащихся в одной из колоний для несовершеннолетних, показал следующее: педагог (психолог) способствовали защите прав и интересов несовершеннолетних при допросе, активно защищая их права, – 23% опрошенных; 27 % дали отрицательный ответ; остальные 50 % затруднились с ответом, но 34 % опрошенных, в допросе которых участвовал педагог, считают, что педагог был недостаточно активен.

И все же, судя по ответам подростков, лишь часть педагогов проявляли активность при проведении следственных действий с участием несовершеннолетних путем: разъяснения сути вопросов следователя (суда) – 13,5 %, установления контакта между несовершеннолетним и следователем (судом) – 10 %, внесения изменений и дополнений в протокол допроса – 9 %, уточнения следователю (суду) формулировки ответа несовершеннолетнего – 5,5 %.

Для изучения отношения к их уголовно-процессуальных функциям нами было опрошено 48 педагогов и психологов, участвовавших в допросе несовершеннолетних. Из них 81 % считает, что участвует в следственных действиях для оказания помощи следователю в установлении психологического контакта с допрашиваемым, т. е. упрощает свою роль в следственном действии; 85 % видят смысл привлечения в обеспечении прав допрашиваемых; 50 % признали, что вели себя при допросе пассивно; 12 % опрошенных полагают даже, что оказывали помощь следователю в преодолении запирательства и лжи со стороны несовершеннолетнего. Эти данные убедительно, на наш взгляд, указывают на глубокое непонимание роли в значительной части педагогов и психологов. В то же время часть педагогов и психологов полагала, что они выступают как представители педагогической и психологической профессии, призванные обеспечить надлежащую обстановку допроса и оберегать права допрашиваемого от нарушений в виде: 1) требования со стороны следователя (дознавателя) подтвердить версию следователя (19 %); 2) постановки следователем (дознавателем) наводящих вопросов (19 %); 3) выборочной записи следователем (дознавателем) показаний допрашиваемого (19 %); 4) от нарушений в виде неправомерного (угрожающего) тона следователя (дознавателя) при допросе (31 %). При подобном разбросе мнений все же часть педагогов и психологов правильно понимает свою роль в следственных действиях, хотя и не проявляет необходимой активности в ее реализации.

Оценивая свою деятельность при участии в допросе несовершеннолетних, половина опрошенных (50 %) сообщила, что не всегда проявляла активность, а другая половина опрошенных объяснила свою пассивность тем, что допрос велся с соблюдением следователем (дознавателем) процессуальных норм.

Часть опрошенных считала свое участие в допросе несовершеннолетних эффективным, отметив, что это проявляется: 1) в постановке допрашиваемым вопросов как в целях выяснения существенных обстоятельств (44 %); 2) во внимательном ознакомлении с содержанием протокола допроса и изложении своего мнения о полноте и правильности записей (44 %); 3) в возражении против постановки отдельных вопросов недопустимых (наводящих) (25 %).

На основании результатов опроса педагогов и психологов можно сделать вывод, что большинство опрошенных все же до сих пор считает себя помощниками следователей и дознавателей, однако некоторые из них правильно понимают свою правозащитную функцию, видя ее в активном участии в следственных действиях и в предотвращении нарушений, допускаемых следователем и дознавателем. В целом же эти

данные свидетельствуют о не вполне ясном представлении указанных лиц о своей роли как участников допроса.

Выяснив мнения профессиональных юристов, следователей, дознавателей и судей относительно роли педагога и психолога в следственных действиях, необходимо подвергнуть эти данные проверке путем изучения реальной практики привлечения данных участников к проведению следственных действий. Для исследования проблем, связанных с деятельностью этих лиц, было подвергнуто изучению 183 уголовных дела с участием несовершеннолетних, по которым имело место 57 (или 86,5% от общего числа участвующих по уголовному делу педагогов и психологов) допросов, 6 (или 9 %) очных ставок, 3 (или 4,5 %) опознаний с участием педагога и психолога. В иных следственных действиях ни педагог, ни психолог участия не принимали, несмотря на то что производство велось в отношении несовершеннолетних, подпадающих под предписания ст. 191 и ст. 425 УПК РФ.

Таким образом, большинство следственных действий с участием несовершеннолетних проводилось без привлечения педагога и психолога. Непривлечение этих участников к следственным действиям, имело место и в случаях, когда несовершеннолетние обвинялись в тяжком преступлении.

Но и в тех действиях, в которых эти лица участвовали, они привлекались к процессу в большинстве случаев по усмотрению следователя (77,5 %). И лишь в редких случаях они участвовали в деле по велению закона, т. е. с правоохранительной целью (22,5 %).

Характерно, что во всех следственных действиях (или в значительной части следственных действий – 36 %) они вели себя пассивно и не использовали своих прав, предоставленных им законом, в том числе права задавать вопросы допрашиваемому, делать письменные замечания о правильности и полноте протокольных записей.

Так, например, допрос несовершеннолетнего А. (17 лет), обвиняемого в совершении покушения на грабеж, был проведен без педагога [1].

По точно такому же делу допрос несовершеннолетнего обвиняемого М. (17 лет) также был проведен без участия педагога [2].

Аналогичная ситуация наблюдается и при допросе свидетелей. Так, допрос несовершеннолетнего свидетеля Д. (17 лет) был проведен без участия защитника, законного представителя, педагога (психолога) [3].

Ни в одном из изученных нами уголовных дел следователи или дознаватели не привлекали педагога или психолога к проведению проверки показаний на месте. Как видно из пояснений следователей и дознавателей, они могли назвать лишь единственный случай привлечения к проверке показаний на месте педагога или психолога.

Крайне редко педагоги (психологи) привлекаются для участия в очной ставке: по изученным нами уголовным делам было выявлено только 3 случая такого участия, хотя это следственное действие обладает особой конфликтностью и давлением со стороны участников.

Например, при проведении очной ставки между несовершеннолетними М. и Н., обвиняемыми в совершении грабежа, участвовал педагог, который ни разу не задал вопросов участникам очной ставки, не просил о внесении дополнений или уточнений в протокол. Ни в одном случае своего участия в очной ставке педагог не заявил возражений против действий следователя, хотя для этого имелись основания [4].

Изучение практики привлечения педагога и психолога к допросам и другим следственным действиям вербального характера позволяет сделать общий вывод о том, что эти участники не проявляют необходимой активности в реализации представленных им законом прав.

Такое положение может быть объяснено рядом причин. Во-первых, нечеткостью научных представлений о функциях этих лиц. Отсутствие ясных и непротиворечивых научных представлений относительно функций и процессуального статуса педагога и психолога, их прав и обязанностей не позволяет ни самим этим участникам, ни правоприменителям составить четкое представление о роли, задачах и процессуальных средствах, применяемых педагогом и психологом, участвующими в следственных действиях. Разъяснение же следователем их прав при проведении допроса, как это предусмотрено ч. 5 ст. 164, ч. 5 ст. 425 УПК РФ, ввиду скудости правовой регламентации нельзя признать достаточным для обеспечения активной деятельности педагога, психолога в ходе следственного действия. Иначе говоря, не понимая, в чем состоит участие педагога и психолога при производстве следственного действия и насколько это участие должно быть активным, следователь не может правильно и полно сформулировать задачи для этих субъектов. В свою очередь, не уяснив своей роли, педагог и психолог не могут проявлять нужную активность. Таким образом, институт, призванный служить дополнительной гарантией прав несовершеннолетних, превращается на практике в обременительную формальность. Приведенные соображения с необходимостью требуют совершенствования уголовно-процессуального закона в части процессуального положения педагога, психолога.

В связи с этим приобретает особую остроту и актуальность задача побудить педагога и психолога к большей активности при участии в следственных действиях и реализации их прав. Эта задача достаточно сложная, и разъяснения прав, которое осуществляет этим участникам следователь, вовлекая их в дело, явно недостаточно, ибо сами следователи не имеют должного представления о роли этих лиц. При таком положении мы приходим к мысли, что было бы полезным обучать педагога и психолога, для чего необходимо составить специальные положения о тех действиях, которые они могут и должны проводить в ходе следственных действий.

Полагаем, что издание такого положения и распространение его среди будущих участников процесса может оказаться весьма полезной мерой для активизации роли этих участников в защите прав и законных интересов несовершеннолетних.

Такое положение поможет педагогу и психологу, участвующим в следственных действиях, уверенно взаимодействовать с органами следствия, дознания и суда, пользоваться всеми наделенными законодателем правами, а как следствие, выступать дополнительным гарантом прав и законных интересов несовершеннолетних.

Библиографический список

1. Архив Ленинского районного суда. Дело № 1-174/2009.
2. Архив Ленинского районного суда. Дело № 1-277/2010.
3. Архив Ленинского районного суда. Дело № 1-56/2009.
4. Архив Ленинского районного суда. Дело № 1-155/2010.

References

1. Archive of the Leninsky district court. Case № 1-174/2009 [in Russian].
2. Archives of the Leninsky District Court. Case № 1-277/2010 [in Russian].
3. Archives of the Leninsky district court. Case № 1-56/2009 [in Russian].
4. Archive of the Leninsky district court. Case № 1-155/2010 [in Russian].

M.S. Petrovskaya*

EDUCATOR'S AND PSYCHOLOGIST'S ROLE DURING THE CONDUCT OF INVESTIGATORY ACTIONS OF JUVENILE AND WAYS OF ITS INTENSIFICATION

The article discusses the role of educator (and psychologist), attracted to participate in the investigatory actions of juvenile and other investigative actions to implement the pedagogical knowledge to prevent violations of legitimate interests of the adolescent.

Key words: educator, psychologist, investigatory actions, empirical evidence, juvenile, human rights function, passive attitude, instrumental guidance.

Статья поступила в редакцию 07/VIII/2015.
The article received 07/VIII/2015.

* *Petrovskaya Maria Sergeevna* (mahonya1982@yandex.ru), Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Samara State University, 1, Acad. Pavlov Street, Samara, 443011, Russian Federation.